

А. О. Горанский, С. В. Мандрик*

Подготовка и осуществление реформы приходского управления 1961 г. в Белоруссии

Конец 1950-х — начало 1960-х гг. вошли в историю Русской Православной Церкви как один из трагических периодов, когда в связи с обещанием главы Советского государства Н. С. Хрущева в ближайшем будущем построить коммунизм была развернута широкомасштабная антирелигиозная кампания, ставившая целью полностью ликвидировать религиозные организации в СССР, чтобы войти в коммунистическое общество без «пережитков прошлого». Белоруссии в эти годы было предназначено стать первой безрелигиозной республикой СССР. По-видимому, советские идеологи считали, что религиозный фактор здесь можно преодолеть легче, чем в иных частях Советского Союза, поскольку к началу Великой Отечественной войны во всей восточной части БССР не оставалось ни одного действующего православного храма¹.

Об антирелигиозной кампании начала 1960-х гг. имеется достаточно большое количество исследований. Мы хотели бы сосредоточиться на раскрытии проведения в жизнь государственной политики по отношению к приходам — той структуре Церкви, которая, возможно, в наибольшей степени подверглась грубому вмешательству и незаконному давлению со стороны партийно-государственных органов. Мероприятия государства, направленные на разрушение приходов, были комплексными и многообразными и заслуживают отдельного исследования. В данной статье мы остановимся, пожалуй, на наиболее действенном из них — реформе приходского управления 1961 г., отстранившей духовенство от руководства приходами, и на ее негативных

* © Горанский А. О., 2008

Андрей Олегович Горанский, магистр гуманитарных наук, преподаватель Института непрерывного образования Белорусского государственного университета.

© Мандрик С. В., 2008

Светлана Владимировна Мандрик, магистр гуманитарных наук, преподаватель кафедры философии и истории Белорусского аграрно-технического университета.

последствиях для Церкви в Белоруссии. Контрольно-репрессивные мероприятия государственных органов, связанные с этим событием, продолжались до 2-й половины 1980-х гг., а их последствия для приходской жизни Белорусской Православной Церкви сказываются до сих пор. Мы хотим показать, что изменение приходского управления в конце 1950-х — начале 1960-х гг. — это тщательно спланированная и рассчитанная на долговременное действие антицерковная акция Советского государства, направленная, с одной стороны, на разложение системы епархиального и приходского управления, разрыв между верующими и духовенством, на дискредитацию священноначалия и приходского духовенства; а с другой — на постановку под строжайший контроль государства всех сторон внутренней жизни Церкви, которые были еще разрешены (богослужебной, проповеднической, финансово-хозяйственной).

Для лучшего понимания рассматриваемых событий необходимо сделать краткий экскурс в историю законодательства и политики Советского государства в отношении религиозных организаций. Согласно ленинскому декрету СНК РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23 января 1918 г. Церковь была лишена прав юридического лица и возможности владения собственностью (ст. 12), церковные общины признавались частными обществами (ст. 10), которым для богослужебных целей отдавались в бесплатное пользование здания и культовое имущество (ст. 13)². Подобный документ был принят и постановлением СНК Советской Социалистической Республики Белоруссия от 11 января 1922 г. Положения ленинского декрета были расширены и детализированы в постановлении ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г. Следуя логике декрета 1918 г., это постановление не рассматривало Русскую Православную Церковь как единую структуру, государственными органами регистрировались отдельные общества верующих, состоявшие не менее чем из 20 человек и не имевшие статуса юридического лица (ст. 4–7). В связи с этим договоры найма, поставки и другие денежные операции могли заключать отдельные верующие, состоящие членами религиозного общества (ст. 11). Для функций, связанных с управлением культовым имуществом, религиозным обществам предписывалось избирать из своих членов исполнительные органы и ревизионные комиссии, причем местные органы власти имели право отвода лиц из этих органов (ст. 13–15). О «служителях культа» в постановлении говорилось лишь то, что сфера их деятельности распространяется на территорию проживания членов религиозного общества (или обществ), которое они «обслуживают» (ст. 19)³, функции священника в религиозном обществе не определены. Согласно Конституции РСФСР от 10 июля 1918 г. духовенство («монахи и служители религиозных культов») были лишены права избирать и быть избранными (ст. 65)⁴, следовательно, им был закрыт доступ в выборные исполнительные органы церковных общин. Такие положения законодательства ставили подчинение приходских общин епархиальным центрам и высшему церковному управлению в зависимость от не всегда самостоятельной воли руководства этих общин, что наносило удар по церковной структуре и было грубым вмешательством во внутрицерковную

жизнь, нарушавшим провозглашенный декретом 1918 г. принцип отделения Церкви от государства. Постановление 1929 г. не являлось общесоюзным законом и не должно было иметь юридической силы за пределами РСФСР, тем не менее именно оно до 1977 г. являлось основным законодательным актом в области государственно-церковных отношений, действовавшим в том числе и на территории Белорусской ССР. Однако в 1930-х гг. политика Советского государства по отношению к Церкви была настолько агрессивной репрессивной, что не соблюдалось даже это дискриминационное законодательство, хотя были предприняты некоторые попытки создания и утверждения общесоюзного законодательства о культурах. К 1939 г. в СССР сложилась ситуация, когда вопросами религии и церковной политики, а следовательно контролем и проведением в жизнь законодательства о культурах, не занималось ни одно государственное учреждение, кроме НКВД с его определенно репрессивными функциями. Среди партийно-государственных функционеров возобладало мнение, что поскольку в стране взят курс на полное уничтожение религии, то нет необходимости в создании общесоюзного законодательства в области религии и органа для проведения его в жизнь и осуществления контроля над его исполнением.

Отношение Советского государства к Русской Православной Церкви изменилось в лучшую сторону во время Великой Отечественной войны: широкомасштабные преследования духовенства и верующих в духе 1930-х гг. прекратились, руководство Коммунистической партии и государства не устраивало никаких массовых антирелигиозных мероприятий. 31 января – 2 февраля 1945 г. состоялся Поместный Собор Русской Православной Церкви, на котором было принято «Положение об управлении Русской Православной Церковью», согласованное с Советом по делам Русской Православной Церкви (СДРПЦ) и утвержденное постановлением СНК СССР от 28 января 1945 г. Раздел IV «Приходы» «Положения» был посвящен устройству и деятельности приходских общин. В ст. 35 говорилось, что во главе каждого прихода стоит назначаемый епископом настоятель, осуществляющий духовное руководство верующими и управляющий причтом и приходом; в своей деятельности он ответственен перед епархиальным архиереем (ст. 36); вместе с членами исполнительного органа и учредителями (двадцаткой) настоятель несет ответственность за пользование и сохранность переданного в пользование религиозной общины церковного здания и культового имущества (ст. 39). Настоятель является непременным членом приходской общины и председателем ее исполнительного органа (церковного совета) (ст. 40), церковный совет под руководством настоятеля ведет церковное хозяйство и обеспечивает надлежащее использование храма, является ответственным распорядителем денежных средств и следит за их правильным распределением и расходованием (ст. 41). Настоятель храма имеет свою печать и штамп, зарегистрированные гражданской властью (ст. 48). В разделе III «Епархии» определено, что архиерей наблюдает за правильностью хозяйственной стороны жизни приходов (ст. 30)⁵. 22 августа 1945 г. СНК СССР принял постановление, которое предоставило церковным органам (в том числе и приходам)

ограниченные права юридического лица: арендовать, приобретать в собственность и строить дома для церковных нужд, приобретать транспортные средства, производить и продавать верующим предметы религиозного культа⁶. Для осуществления указанной деятельности церковным органам было разрешено открывать финансовые счета, заключать сделки и осуществлять наем работников. Это, а также некоторое смягчение налогового бремени позволили Церкви открывать приходы и организовывать их деятельность, восстанавливать и ремонтировать храмы, налаживая внутрицерковную жизнь, хотя и в строго установленных рамках⁷.

Эти новые государственные узаконения в части предоставления религиозным обществам ограниченных прав юридического лица находились в противоречии с действующим законодательством в области религии — декретом 1918 г. и постановлением 1929 г., которые не были ни отменены, ни изменены, хотя в правоприменительной практике их действие было приостановлено. Такая ситуация связана с советской практикой, в соответствии с которой законодательство в области религии может меняться в зависимости от приоритетов государственной политики. В 1943–1962 гг. принимались закрытые законодательные акты или инструкции, реально применявшиеся на практике, при сохранении старого законодательства, также, впрочем, закрытого, которое соответствовало установкам Коммунистической партии на уничтожение религии и Церкви. Ослабление интереса Советского государства к международной и патриотической деятельности Русской Православной Церкви и шаткая законодательная база, регулировавшая ее положение в государстве, привели к тому, что еще при жизни И. В. Сталина в 1948 г. среди партийных функционеров стали высказываться пожелания возрождения свернутой во время войны антирелигиозной пропаганды и восстановления репрессий по отношению к Церкви. Тогда же начались мероприятия по ограничению церковной жизни. Например, в конце 1948 г. под давлением СДРПЦ Священный Синод Русской Православной Церкви был вынужден запретить молебны на полях, крестные ходы, духовные концерты в храмах вне богослужения, было издано постановление о запрете «превращать проповеди в храмах в уроки Закона Божия для детей»⁸. Только личная воля Сталина не дала этим настроениям партийной верхушки перерасти в новый виток антирелигиозной кампании.

С приходом к власти Н. С. Хрущева зародившиеся в конце 1940-х гг. антицерковные устремления стали набирать силу не только среди партийных функционеров, но и среди государственных чиновников. В 1953 г. уполномоченные Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР в БССР поставили перед своим руководством вопрос о несоответствии устройства приходской жизни советскому законодательству о культах 1929 г.⁹, однако тогда СДРПЦ не счел необходимым вносить какие-либо изменения в приходское управление¹⁰. После состоявшегося в 1956 г. XX съезда КПСС, на котором был разоблачен культ личности Сталина, и XXI съезда КПСС (начало 1959 г.), окончательно определившего идеологические основания борьбы с религией в связи с переходом к «строительству

коммунизма», отношение государства к этой проблеме изменилось. Впоследствии нормализация государственно-церковных отношений рассматривалась как сталинское наследие, а антирелигиозная кампания проводилась в жизнь под лозунгом восстановления «ленинской социалистической законности» в отношении религии и Церкви. Это немедленно сказалось и на отношении государственных органов к приходскому устройству Церкви. 27 апреля 1959 г. в инструктивном письме СДРПЦ уполномоченному по БССР Г. Семенову предписывалось вновь ввести регистрацию избираемых верующими членов исполнительных органов религиозных обществ, отмененную письмом Совета № 669 от 15 октября 1955 г. Такая мера предписывалась для того, чтобы уполномоченные имели более подробную информацию о том, кто работает в этих органах, а также с целью ограничения «единовластия настоятелей церквей», ослабления материального положения Церкви и снижения авторитета духовенства¹¹. Уполномоченные Совета в БССР активно включились в эту работу и выдвинули ряд предложений по изменению управления приходскими общинами. Так, уполномоченный по Гродненской области отмечал, что «Положение об управлении Русской Православной Церкви» 1945 г., подрывает «демократические основы церковной общины», и предлагал для ограничения влияния духовенства на верующих внести в него такие изменения, чтобы «священник только проводил службу в церкви и исполнял требы»¹². Этот же уполномоченный считал, что вопрос о переизбрании исполнительного органа прихода должен решаться самим этим органом без участия священника, поскольку это «выведет его из-под чрезмерного влияния со стороны епархии», и настаивал, что в этом вопросе следует руководствоваться Постановлением ВЦИК и СНК СССР от 8 апреля 1929 г.¹³

Следующим шагом на пути к разрушению церковной структуры и приходской жизни стало принятое 13 января 1960 г. постановление ЦК КПСС «О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культах», в котором фактически шла речь о переходе всей деятельности церковных приходов под контроль государственных органов¹⁴. В апреле 1960 г. в Москве состоялось совещание уполномоченных СДРПЦ, на котором обсуждался доклад «О задачах Совета и уполномоченных в свете постановления ЦК КПСС от 13 января 1960 г.» и было объявлено о разработке проекта новой инструкции «О применении законодательства о культах», предусматривающей восстановление в полном объеме законодательства 1929 г. в сфере управления церковными общинами с приспособлением его к современным условиям. В проекте было указано, что «функции духовенства ограничены исполнением религиозных обрядов, и служители культов не могут присваивать себе функции руководства религиозными общинами. Право решения всех вопросов, касающихся внутренней жизни религиозного общества, принадлежит самим верующим»¹⁵. В ноябре 1960 г. председатель СДРПЦ В. Куроедов и председатель Совета по делам религиозных культов А. Пузин направили в ЦК КПСС меморандум с предложением рекомендовать Патриархии внести изменения в раздел IV «Положения об управлении Русской Православной Церкви» 1945 г., с тем чтобы привести его в соответствие с со-

ветским законодательством о культах 1929 г.¹⁶ До разрешения этого вопроса уполномоченным Советом предлагалось провести работу по восстановлению прав и обязанностей членов религиозных общин, чтобы «покончить с практикой вмешательства епископата во внутренние дела религиозных общин»¹⁷.

16 марта 1961 г. Совет Министров СССР принял закрытое постановление «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах», подписанное лично Хрущевым, в особом пункте которого указывалось на необходимость «восстановления прав исполнительных органов церковных общин в части ведения финансово-хозяйственной деятельности в соответствии с законодательством о культах»¹⁸. В этот же день СДРПЦ совместно с Советом по делам религиозных культов принял «Инструкцию по применению законодательства о культах», разработанную специальной комиссией ЦК КПСС, которая в ст. 4 повторяла положение постановления 1929 г., в соответствии с которым исполкомы местных органов власти имели право отвода отдельных лиц из состава членов исполнительного органа и ревизионной комиссии религиозного общества с уточнением, что такого права не имеют служители культа и религиозные центры. Пункт «а» ст. 11 запрещал религиозным центрам (епархиальным управлениям и Патриархии) пользоваться находящимися в их распоряжении средствами и имуществом для помощи храмам и монастырям, «которые не поддерживаются населением, отошедшим от религии». Однако в «Инструкцию» не были внесены предполагавшиеся в проекте пункты об отстранении священнослужителей от управления церковными приходами, как это предлагали уполномоченные СДРПЦ и как это требовалось от верующих и духовенства на практике¹⁹. Постановление «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах» было продублировано 19 апреля 1961 г. Советом Министров БССР и поступило во все райисполкомы областей республики²⁰. При обсуждении «Инструкции» на всесоюзном совещании уполномоченных в апреле 1961 г. председатель СДРПЦ В. Куроедов обратил их особое внимание на необходимость скрыть инструкцию от Патриархии и епархиальных управлений, для того чтобы не дать возможности церковным деятелям толковать ее как свидетельство нового курса Советского государства по отношению к религии и Церкви. Следует также указать, что все перечисленные законодательные и подзаконные акты (в том числе и постановление 1929 г.) были закрытыми и не предназначались ни для публикации, ни для ознакомления с ними духовенства и верующих.

Вероятно, еще до принятия постановления и утверждения инструкции от 16 марта 1961 г. была разработана установка на то, чтобы оформить дискриминационную по отношению к духовенству практику управления приходами как решение епископов Русской Церкви, а контроль за выполнением решения должны были осуществлять представители власти. По замыслу властей, высшее церковное руководство якобы для лучшего исполнения приходскими священниками своих пастырских и богослужебных обязанностей должно было запретить священнослужителям входить в число учредителей религиозных обществ (двадцаток), быть избранными и участвовать в деятельности церковных советов, которые, в соответствии с законодательством 1929 г.,

руководили деятельностью приходской общины. Для воплощения в жизнь этого замысла 31 марта 1961 г. в СДРПЦ были приглашены Патриарх Алексий I и находившиеся в Москве постоянные члены Священного Синода. Руководствуясь указанием правительства, председатель Совета настоятельно рекомендовал архиереям пересмотреть пункты раздела IV «Положения об управлении Русской Православной Церкви» 1945 г., касающиеся приходского управления, а именно: принять поправку об отстранении духовенства от финансово-хозяйственной деятельности общины и передаче ее в ведение церковных советов. Юридическим аргументом при этом было требование привести «Положение» в строгое соответствие с постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях». Однако такие требования были антиконституционными и не соответствовали указанному постановлению. Постановление «О религиозных объединениях» не содержит запрета для священнослужителей быть учредителями религиозных обществ или избираться в их исполнительные органы. Такой запрет был связан с тем, что Конституция РСФСР 1918 г., как было указано выше, лишала священнослужителей права избирать и быть избранными. Однако это ограничение отсутствует в Конституции СССР 1936 г. (Конституции БССР 1937 г.) и в Конституции СССР 1977 г. (Конституции БССР 1978 г.), которые предоставляли всем гражданам равные избирательные права.

Под жестким давлением власти 18 апреля 1961 г. Священный Синод принял постановление «О мерах по улучшению существующего строя приходской жизни», которое сразу же вошло в церковную жизнь как обязательный документ²¹. 18 июля 1961 г. Архиерейский Собор Русской Православной Церкви снова под давлением со стороны государства утвердил постановление Синода и внес соответствующее изменение в «Положение об управлении Русской Православной Церкви». Архиереи, которые могли выступить с возражениями против изменения приходского управления, на Собор не были приглашены, а те, что явились, не были допущены на его заседания. Суть изменений, внесенных в раздел IV «Приходы» «Положения», заключается в том, что для управления приходом должны быть созданы 2 органа: церковноприходское собрание (собрание членов-учредителей) и церковный совет — исполнительный орган в составе старосты, помощника старосты и казначея, избираемых из прихожан. Церковный совет управляет финансово-хозяйственной жизнью прихода: осуществляет финансовые операции, выплачивает жалование священнослужителям, если оно предусмотрено, обеспечивает храм и богослужения всем необходимым. За сохранность церковного здания и имущества церковный совет несет ответственность перед гражданскими властями. Настоятель прихода и другие священники совершают богослужения, таинства и требы и руководят духовно-нравственной жизнью прихожан, за что ответственны перед Богом и своим епархиальным архиереем. Исполнительный орган не вмешивается в распорядок богослужения и во взаимоотношения членов причта между собой. Из пункта 30 раздела III «Епархии» было исключено положение о том, что архиерей наблюдает за правильностью финансовой стороны деятельности прихода²².

На практике эти изменения вылились в полномасштабную реформу приходского управления, которая, по сути, проводилась и контролировалась государством, хотя соответствие требований государства к церковной власти и право контроля над их выполнением юридически не были обоснованы. В действовавшем в то время законодательстве не указывалось, да и не могло быть указано в силу отделения Церкви от государства, какие лица и с какими обязанностями должны входить в органы, управляющие религиозными обществами, и какие функции эти органы и лица должны исполнять. Устройство и структура управления — это внутреннее дело Церкви, регулируемое ее канонами, таким образом, государство не могло устанавливать в этой области правила и контролировать их исполнение. Под давлением и контролем государства духовенство было отстранено от руководства приходами, роль главы общины переходила от настоятеля к исполнительному органу — приходскому совету, которому передавалась вся финансово-хозяйственная деятельность. Священнослужители должны были наниматься общиной только для «исполнения религиозных потребностей» по договору, который исполнительный орган заключал в каждом отдельном случае и мог расторгнуть в одностороннем порядке в любое время. Заседания приходского собрания, избравшего приходской совет, созывались каждый раз с разрешения местного исполкома без согласования со священником. Священнослужители на приходские собрания не допускались и в деятельности приходского совета не участвовали²³. Фактически руководителями приходской жизни становились председатели церковных советов, или старосты, как правило подобранные местными органами власти из людей, часто неверующих. Власть епархиального архиерея над приходами была юридически минимизирована, к архиерею приходская община могла обращаться лишь по вопросам богослужебного характера, а после снятия с регистрации настоятеля приход становился подведомственным только государственным органам.

Контроль за проведением в жизнь постановления Архиерейского Собора осуществлялся СДРПЦ и местными органами исполнительной власти. Совет предписывал своим уполномоченным уделять самое серьезное внимание «перестройке управления Церковью»: обеспечить передачу финансовых и хозяйственных дел выборным исполнительным органам во всех церквях и впредь не допускать, чтобы священнослужители «вмешивались в управление приходами», подобные случаи следовало рассматривать как противоречащие духу советского законодательства о культурах²⁴. Следуя этим указаниям начальства, уполномоченный по БССР Г. Ковалев обратился в ЦК КПБ с докладной запиской, в которой содержалась просьба санкционировать проведение областных и районных совещаний по этому вопросу. Областные и районные совещания партийных, комсомольских и советских работников проходили с мая по июль 1961 г., на них большое внимание уделялось «перестройке управления Церковью» и главным образом вопросу подбора необходимых людей в церковные советы. В подготовке этих совещаний самое активное участие приняли уполномоченные Совета, готовившие доклады, с которыми выступали секретари обкомов партии²⁵. Столь массовое обсуждение церковной

политики проводилось впервые. «Инструкцию по применению законодательства о культах» получили все горкомы и райкомы, а также горисполкомы и райисполкомы, чего «никогда ранее не практиковалось»²⁶. Таким образом, к обеспечению контроля над Церковью теперь в обязательном порядке привлекались местные органы власти. После указанных совещаний почти при всех райисполкомах и сельсоветах в БССР были созданы общественные комиссии содействия контролю за соблюдением законодательства о культах, в задачи которых входил контроль над приходской жизнью, сбор данных о финансово-хозяйственной деятельности приходов, сведений о зарплате священнослужителей, об изменении их возрастного состава и образовательного уровня, о количестве совершенных таинств и обрядов и об участвующих в них лицах²⁷. В июне—июле 1961 г. до сведения всех приходских священнослужителей республики было доведено, что они впредь не имеют права вмешиваться в функции исполнительных органов приходов, «в противном случае это будет рассматриваться как грубое нарушение законодательства о культах»²⁸. В это же время была проведена перерегистрация всех священнослужителей, во время которой каждый получил справку и был ознакомлен с новыми правилами. По указанию СДРПЦ члены исполнительных органов также были ознакомлены с порядком применения законодательства о культах, но не с самим законодательством. Церковные советы теперь могли независимо от священника распоряжаться денежными поступлениями и устанавливать за его деятельностью контроль и наблюдение. Пользуясь правом отвода неугодных лиц из церковных советов, государственные органы вводили в них неверующих людей, внушая им, что власть и денежные средства в приходе принадлежат только им. Уполномоченными Совета активно проводилась работа по переизбранию приходских органов. Чтобы лучше ознакомиться с их составом и подобрать соответствующих людей, в ряде случаев они лично присутствовали при выборах членов этих органов²⁹. Был установлен такой порядок, при котором уполномоченный Совета не регистрировал членов исполнительного органа прихода без согласия местных органов власти³⁰. Только за 1961 г. состав исполнительных органов в БССР обновился более чем в 30 приходах, некоторые из их членов были сняты уполномоченными с регистрации, «как фанатики и не исполняющие указания уполномоченных, а часть выбыла по собственному желанию»³¹. Таким образом осуществлялось скрытое разрушение приходских общин изнутри. Священников за участие в финансово-хозяйственных делах приходов наказывали вплоть до снятия с регистрации.

Неблагоприятные последствия изменения приходского управления очень скоро проявились в церковной жизни Белоруссии. Новый порядок приходского управления дал возможность государственным органам учитывать и контролировать всю финансовую сторону деятельности приходских общин, что позволяло уполномоченным и работникам исполкомов использовать эту информацию в целях уменьшения поступления средств в церковные общины. Власти предписывали общинам хранить все поступающие деньги в Госбанке или сберкассах и устанавливали определенные размеры взносов в Фонд мира и Фонд охраны памятников истории и архитектуры. В целях ослабле-

ния материальной базы Церкви уполномоченные требовали от церковных советов снижать цены на свечи, доход от продажи которых составлял более половины совокупного дохода приходов, и уменьшать размеры епархиальных взносов на 1961 г. В результате в ряде приходов цены на свечи были снижены на 20–40%, а епархиальные взносы на 30–50%³². При этом необходимо учитывать, что приходы оплачивали получаемую от государства электроэнергию по завышенному тарифу: если государственные организации и предприятия платили за кВт электроэнергии после денежной реформы 1961 г. 4 копейки, то приходы — 24 копейки³³. При таких условиях исполнительные органы отдельных приходов отказывались от «найма» священников, как это было, например, в залеской церкви Сморгонского района Гродненской области, в слонимской церкви и в ряде других. В одном из районов Гродненской области в 5 из 9 действующих церквей общины отказались от священников. После ухода священника и прекращения богослужений церковь обычно закрывали, а религиозное общество снимали с регистрации «как распавшееся и прекратившее свою деятельность»³⁴.

С целью снижения заинтересованности духовенства в совершении треб СДРПЦ в 1962 г. принял решение о переводе священников на твердые оклады, причем подчеркивалось, что в связи с проведенной перестройкой церковного управления эта мера может быть успешно осуществлена³⁵. После того как весной 1962 г. все православное духовенство в БССР было переведено на фиксированные оклады, начался процесс снятия с регистрации тех священников, которые получали плату непосредственно от верующих, совершая требы без ведома исполнительных органов приходов. Например, священник в деревне Дубина Молодечненского района Минской области в феврале 1963 г. был снят с регистрации, так как «лично брал с верующих плату за религиозные обряды, минуя церковный исполнительный орган, потому что не имел возможности прожить с семьей на получаемое из церкви жалование в сумме 45 рублей в месяц»³⁶. Несмотря на эти изменения, доходы священнослужителей по-прежнему облагались налогом в соответствии со ст. 18 указа Верховного Совета СССР от 30 апреля 1943 г. «О подоходном налоге с населения» как «доходы от частного предпринимательства»; ставка такого обложения составляла 81% от месячного дохода. Только указом «О ставках подоходного налога для служителей религиозных культов и других лиц, участвующих в совершении религиозных обрядов» от 21 ноября 1980 г. Президиум Верховного Совета СССР переклассифицировал доход духовенства в соответствии со ст. 19 упомянутого указа в разряд «личных доходов», по которой ставка подоходного налога составляла 69%³⁷. Оказавшись в очень трудном материальном положении вследствие жесткой налоговой политики, при твердых окладах, высоких налогах и запрете совершать требы вне своего храма или получать поддержку от епархиального управления, некоторые священники вынуждены были либо переходить на «более сильный» приход, либо уходить на пенсию или на гражданскую службу, поскольку приходские советы часто не могли обеспечить им даже минимальной оплаты труда (30–50 рублей в месяц)³⁸. Вакантные места в небогатых приходах никто из

священников занимать не хотел, богослужения не совершались, и религиозное общество снималось с регистрации как прекратившее свою деятельность. Такая политика имела долговременные последствия, поскольку, когда в середине 1960–1970-х гг. массовое закрытие церквей прекратилось, в результате продолжавшейся миграции сельского населения в города некоторые сельские приходы прекращали свое существование из-за малочисленности прихожан, не способных содержать священника и храм. Открытие новых приходов в городах или возобновление когда-то закрытых в сельской местности храмов было практически невозможным до 1988 г. Так, например, приход в городском поселке Большая Берестовица Гродненской области 2 декабря 1967 г. был снят с регистрации как прекративший свою деятельность, поскольку церковь не действовала с 1963 г., когда ее настоятель ушел на пенсию, а назначенный на этот приход новый священник отказался занять это место из-за низкого дохода в приходе³⁹.

Перевод священнослужителей на твердые оклады и порядок, при котором каждая треба совершалась только после регистрации в учетной книге, а также обязательная регистрация священнослужителей и членов приходских органов давала властям возможность перемещать, наказывать и ограничивать деятельность этих лиц через лишение регистрационных справок. Местные органы власти теперь могли беспрепятственно удалять из приходов тех священнослужителей и мирян, которые наиболее активно сопротивлялись антицерковным мероприятиям. Это служило еще одним поводом к закрытию приходов. Совместно с местными советскими органами уполномоченные СДРПЦ изучали состояние религиозных общин и представляли в Совет списки церквей, в которые не следует посылать духовенство. После снятия священника с регистрации в таких приходах уполномоченные отказывались зарегистрировать на его место другого, и религиозное общество снимали с регистрации с той же формулировкой — «как прекратившее деятельность». Перед снятым же с регистрации, например на 3 месяца, священником, по сути, вставал сложный вопрос о его дальнейшем жизненном пути. Без регистрационной справки он не мог легально совершать богослужения, а следовательно, лишался на это время заработка, так как устроиться на временную работу священник не мог, в то же время уполномоченные и местные власти активно предлагали стабильно оплачиваемую работу. В 1962 г. в Белоруссии вынуждены были оставить свое служение 112 священников. Только по Минской области в течение 1963 г. за «нелегальное исполнение религиозных обрядов» были сняты с регистрации сроком на 3 месяца 10 священников. Не дожидаясь истечения срока наказания, двое священников перешли на гражданскую работу⁴⁰. Таким образом, с одной стороны, осуществлялся подрыв кадровой основы существования церковной структуры, приведший к острой нехватке священнослужителей в БССР в середине 1960-х — середине 1970-х гг., когда в некоторых местах священники окормляли по 2–3 прихода, а с другой — духовенство ставилось в такое положение, что вынуждено было подчиняться любым, даже абсолютно необоснованным и незаконным требованиям уполномоченных СДРПЦ и местных должностных лиц.

Противоречившее церковным канонам положение священнослужителя в приходе и наличие в приходских советах подобранных властью неверующих членов часто даже в самых крепких приходах вызывало конфликты между верующими, церковными советами и священнослужителями. В таких конфликтах уполномоченные СДРПЦ и другие чиновники становились на сторону тех, кто, по их мнению, способствовал уменьшению активности церковной жизни и «затуханию» приходов. Сведения о таких конфликтах зафиксированы в архивных материалах вплоть до 1980-х гг.

Реформа сказалась также на богослужебной и проповеднической деятельности духовенства. Уполномоченный СДРПЦ по Гродненской области в отчете писал, что священники с 1961 г. мало обращаются с проповедями к верующим, поскольку, по их мнению, «проведенная перестройка в управлении Церковью подорвала авторитет священника, а также есть опасения с их стороны, что пришедшие в церковные советы лица могут неправильно истолковать их проповеди»⁴¹. Так, священник гродненского собора, ранее активно выступавший с проповедями, с июля 1961 г. прекратил их вовсе, и, когда к нему обратились верующие с целью выяснить причину, он ответил, что «в соборе есть люди, при которых нельзя ничего сказать»⁴². Опасения духовенства не были беспочвенными: в феврале—марте 1961 г. по заданию обкомов в районах республики специально набирались и инструктировались люди, которые присутствовали на богослужениях с целью прослушивания проповедей и выявления в них антисоветского и антиобщественного содержания. Например, прозвучавшее в проповеди высказывание настоятеля церкви в деревне Слобода Мядельского района о том, что в Римской империи было много язычников, не веривших в Бога, и потому империя была разрушена до основания, райком партии расценил как политическую пропаганду против советского общественного и государственного строя. В связи с этим райком обратился в обком с предложением поручить уполномоченному СДРПЦ принять к священнику меры вплоть до лишения его права совершать богослужение⁴³. В 1961 г. за проповедническую деятельность только по Минской области были сняты с регистрации 4 священника и 9 строго предупреждены⁴⁴. В итоге большинство священников совсем перестали обращаться к верующим с проповедями. В некоторых местах изменение приходского управления и тотальный контроль за духовенством со стороны государства приводили к пренебрежительному отношению пастырей к богослужению и духовному окормлению прихожан, что вызывало протесты верующих. Так, прихожане молодецкой церкви обратились в Патриархию с просьбой прислать нового священника, поскольку прежний совершал богослужение не по уставу, поспешно, неразборчиво произнося молитвы, и не уделял внимания прихожанам⁴⁵.

Необходимость регистрации треб, не записанное ни в одном законодательном акте требование обоюдного согласия родителей при крещении детей и запись в учетные книги паспортных данных, а иногда и данных о месте работы людей, принимающих участие в обрядах, позволяли использовать эту информацию для «проработки» верующих по месту работы и жительства. Документы уполномоченных СДРПЦ, других государственных органов

и комитетов партии содержат многочисленные списки членов ВЛКСМ и КПСС, работников культуры и образования, принимавших участие в совершении религиозных обрядов, а также требования принять к этим лицам соответствующие меры.

Архивные материалы позволяют сделать вывод о том, что в БССР контроль за жизнью православных приходских общин был гораздо строже, чем, например, в соседней Литовской ССР. Старший инспектор Совета по делам религий (СДР) В. Ярошевич, проверяя контроль за соблюдением законодательства о культах в Гродненской области в мае 1969 г., посетил также соседние районы Литвы. В результате бесед с представителями литовских органов власти он установил, что им неизвестно постановление Совета Министров СССР «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах» от 16 марта 1961 г., никакого контроля за деятельностью католических религиозных обществ не осуществляется, ими руководят католические священники, которые получают от верующих вознаграждение за исполненные обряды и сами ведут их учет. Двдцатки и костельные комитеты избираются на общих собраниях верующих под руководством священника, эти органы в своей деятельности руководствуются его распоряжениями; священники выезжают в дома к верующим для совершения треб, сопровождают покойников на кладбище, в костелах производится колокольный звон⁴⁶. Все это на территории БССР было строго запрещено, расценивалось и наказывалось как нарушение законодательства о культах.

Духовенство восприняло реформу приходского управления неоднозначно. Поскольку ранее предлогом для удаления с приходов неугодных властям священников часто были обвинения в нарушении финансовой дисциплины и неуплате налогов, епископы и приходское духовенство надеялись, что изъятие финансовых вопросов из их ведения лишит власти этого повода для преследования священнослужителей. Так, в БССР многие священники в беседах с уполномоченными прямо говорили, что «для них даже лучше, что не нужно отвечать теперь ни за что»⁴⁷. Некоторые священнослужители, внешне подчинившись, продолжали распоряжаться финансово-хозяйственными делами приходов, в чем им помогали члены исполнительных органов. Такое положение продолжало существовать до изменения статуса приходского священника в 1988 г., о чем можно сделать вывод исходя из многочисленных свидетельств архивных материалов о подобных «нарушениях законодательства о культах» на протяжении всего периода. Некоторые священники открыто высказывали свое несогласие с церковной политикой государства. Так, настоятель Борисоглебской церкви в Могилеве благочинный Могилевского округа говорил, что заседание Синода по вопросу передачи дел исполнительным органам — «дело рук органов власти, что с этим решением были не согласны некоторые митрополиты — Гурий, Иоанн, за что их отстранили от управления епархиями. Делами Церкви управляют не архиереи, а уполномоченные, они вмешиваются во все стороны церковной жизни и что хотят, то и делают. Уполномоченные только прикрываются, что они не закрывают церкви. На самом деле это от начала до конца их работа. И верующие должны об

этом знать»⁴⁸. В 1965 г. духовенство Минско-Белорусской епархии направило открытое письмо Патриарху Алексию I. Священнослужители выражали недовольство своим положением в приходах, жаловались на ненормальное устройство церковной жизни в республике. Духовенство подчеркивало, что устранение настоятелей и клириков от административно-хозяйственных дел приходов затрудняло, вопреки провозглашенной цели, пастырскую работу и порождало конфликтные ситуации в общинах. В завершение письма содержалась просьба к Патриарху войти в правительство СССР с ходатайством о восстановлении прав священника беспрепятственно совершать богослужение в домах верующих и в других местах (крестить, отпевать, освящать дома, колодцы, стада и т. д.), а также восстановить права духовенства в управлении приходами⁴⁹.

Созданная и приведенная в исполнение в ходе антирелигиозной кампании конца 1950-х — начала 1960-х гг. система целенаправленного и широко-масштабного ограничения деятельности духовенства и верующих имела долгосрочный и комплексный характер и поставила под всесторонний контроль со стороны партийных и государственных органов каждый аспект деятельности приходов и священнослужителей. Антицерковная направленность этой системы была несколько завуалирована после отставки Хрущева, в основных же своих элементах и положениях она продолжала действовать до 1980-х гг. В августе 1970 г. в отдел пропаганды и агитации ЦК КПСС из СДР было направлена справка «Об итогах перестройки церковного управления и работе по усилению контроля за деятельностью религиозных объединений», в которой отмечалось, что «перестройка церковного управления» служит интересам Советского государства, в документе давалась самая высокая оценка этой перестройке, поскольку «она оказалась самым крупным, наиболее эффективным, полезным для государства мероприятием. Совершенно очевидно, что только на основе реформы удалось поставить Церковь в рамки закона, взять ее в руки, организовать действенный контроль за деятельностью духовенства»⁵⁰. 30 сентября 1970 г. уполномоченный СДР по Минской области А. Логвиненко в «Справке об итогах реформы 1961 года по перестройке управления в обществах Русской православной церкви» сообщал, что «идея реформы 1961 года безусловно себя оправдала», и указывал ее положительные и отрицательные стороны. Среди положительных моментов, вызванных отстранением духовенства от финансово-хозяйственной деятельности приходов и переводом его на твердые оклады, Логвиненко называл: усиление контроля над всеми сторонами жизни и деятельности приходов; отрыв определенной части населения, особенно молодежи, от совершения религиозных обрядов; снижение активности священнослужителей в совершении обрядов и служб и уменьшение их авторитета среди верующих; снижение доходов священнослужителей и перечисление больших денежных средств религиозными обществами в Фонд мира и в Фонд охраны памятников истории и культуры. Наряду с положительными Логвиненко отмечал некоторые негативные последствия: реформа 1961 г. привела к значительному увеличению платного персонала в приходах, и этот персонал самым активным образом отстаивает

свои права и даже более активно, чем ранее священники, занимается ремонтом, благоустройством и украшением церковных зданий. В заключение уполномоченный утверждал, что «перестройку церковного управления» следует сохранить, а имеющиеся недостатки могут и должны быть устранены посредством усиления контроля за деятельностью приходских исполнительных органов⁵¹.

16 марта 1971 г. СДР разослал своим уполномоченным разъяснение № 3 «О некоторых вопросах законодательства о религиозных культах, касающихся образования (состава) религиозных обществ и их исполнительных органов». В нем, вероятно впервые в государственных правовых актах, официально делалось четкое разграничение между функциями приходских органов и духовенства в приходской жизни: «Священнослужители, не являясь учредителями религиозного общества, не могут избираться в состав их исполнительных органов, вмешиваться в финансовые и хозяйственные дела религиозного общества. В свою очередь исполнительные органы не должны вмешиваться в богослужебную деятельность священнослужителей и ущемлять их права в выполнении ими своих обязанностей»⁵². Однако это разъяснение было закрытым, в опубликованном же «Положении о религиозных объединениях», утвержденном указом Президиума Совета Министров БССР от 27 февраля 1977 г., как и в законодательном акте 1929 г., ничего не говорилось том, что духовенство не может участвовать в управлении приходами, т. е. входить в число его учредителей и членов исполнительных органов⁵³. В практической же деятельности уполномоченных СДР контроль за отстранением духовенства от управления приходами продолжал осуществляться неуклонно, причем постоянно требовалось его усиление и повышение эффективности. Велась специальная статистика нарушений законодательства о культах. В одной из пояснительных записок, объясняющих статистические данные подобного рода за 1983 г., уполномоченный Совета по БССР указывал, что для православной Церкви наиболее распространенным нарушением законодательства о культах является вмешательство духовенства в дела исполнительных органов приходских общин⁵⁴.

Отстранение духовенства от управления финансово-хозяйственной деятельностью приходских общин позволило государству осуществить мероприятия, которые подорвали материальную базу деятельности, способствовали появлению противоречий между духовенством и верующими. Реформа приходского управления привела к закрытию под разными предлогами большого количества храмов. В 1960–1964 гг. в БССР были закрыты 508 храмов, их количество уменьшилось с 947 в 1960 г. до 439 в 1964 г. Численность духовенства сократилось в 1961–1964 гг. на 204 человека: с 649 человек в 1961 г. до 445 в 1964 г.⁵⁵ Всего же за период с 1960 г. до прекращения закрытия храмов в середине 1970-х гг. в БССР было снято с регистрации 748 храмов⁵⁶, что в пропорциональном отношении к числу действовавших храмов больше, чем в других республиках СССР. Некоторые храмы после закрытия, чтобы не возбуждать «религиозных чувств верующих», разрушались. Это порой происходило, несмотря на то что церковные здания являлись памят-

никами истории и архитектуры. Например, в 1961 г. по личному поручению председателя Витебского горисполкома был взорван один из древнейших белорусских храмов — Благовещенская церковь XII в.

Неканоничная и дискриминационная по отношению к духовенству система приходского управления была изменена в 1988 г., когда на Поместном Соборе Русской Церкви, посвященном празднованию 1000-летия Крещения Руси, был принят новый «Устав об управлении Русской Православной Церкви», в котором духовенству возвращались прежние права в управлении приходами. Согласно новому «Уставу», клирики входят в состав приходского собрания, председателем которого является настоятель прихода (Раздел VIII «Приход», ст. 9–11, 24–25)⁵⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Поспеловский Д. В.* Русская Православная Церковь в XX веке. М., 1995. С. 36.
- ² Об отделении церкви от государства и школы от церкви: декрет СНК РСФСР, 23 января 1918 г. // Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991): Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью. В 2 т. / Сост. Г. Штрикер. Т. 1. М., 1995. С. 113–115.
- ³ О религиозных объединениях: постановление ВЦИК и СНК РСФСР, 8 апреля 1929 г. // Русская Православная Церковь и коммунистическое государство 1917–1941: Документы и фотоматериалы. М., 1996. С. 250–261.
- ⁴ Конституция РСФСР от 10 июля 1918 г. (выдержки) // Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991)... Т. 1. С. 126.
- ⁵ Положение об управлении Русской Православной Церковью, 31 января 1945 г. // Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991)... Т. 1. С. 353–355.
- ⁶ Сообщение председателя Совета по делам Русской Православной Церкви при СНК СССР № 4198, 28 августа 1945 г. // Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991)... Т. 1. С. 364–365.
- ⁷ *Шкаровский М. В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 1999. С. 333.
- ⁸ Там же. С. 342.
- ⁹ Национальный архив Республики Беларусь (далее — НА РБ), ф. 951, оп. 2, д. 37, л. 49.
- ¹⁰ Там же, л. 51.
- ¹¹ Там же, оп. 4, д. 19, л. 43–45.
- ¹² Там же, д. 16, л. 154.
- ¹³ Там же, д. 20, л. 16.
- ¹⁴ *Чумаченко Т. А.* Государство, православная Церковь, верующие. 1941–1961 гг. М., 1999. С. 371.
- ¹⁵ НА РБ, ф. 951, оп. 4, д. 24, л. 53.
- ¹⁶ *Чумаченко Т. А.* Указ. соч. С. 50.
- ¹⁷ НА РБ, ф. 951, оп. 4, д. 24, л. 54.
- ¹⁸ *Поспеловский Д. В.* Указ. соч. С. 220.
- ¹⁹ Государственный архив Минской области (далее — ГА МО), ф. 812, оп. 1, д. 7, л. 9–17 об.
- ²⁰ НА РБ, ф. 951, оп. 4, д. 30, л. ?
- ²¹ О мерах по улучшению существующего строя приходской жизни: Постановление Священного Синода Московской Патриархии, 18 апреля 1961 г. // Журнал Московской Патриархии (далее — ЖМП). 1961. № 8. С. 6.

- ²² Архиерейский Собор Русской Православной Церкви 18 июля 1961 г. // ЖМП. 1961. № 8. С. 15–17.
- ²³ Шкаровский М. В. Указ. соч. С. 379.
- ²⁴ НА РБ, ф. 951, оп. 4, д. 28, л. 20–24.
- ²⁵ Там же, д. 32, л. 2–4.
- ²⁶ Там же, л. 176.
- ²⁷ Там же, л. 3.
- ²⁸ Там же, д. 30, л. 15.
- ²⁹ Там же, л. 16.
- ³⁰ Там же, д. 32, л. 131.
- ³¹ Там же, оп. 3, д. 53, л. 128–129.
- ³² Там же, д. 30, л. 17.
- ³³ Поспеловский Д. В. Указ. соч. С. 357.
- ³⁴ НА РБ, ф. 951, оп. 3, д. 32, л. 6–63.
- ³⁵ Там же, оп. 4, д. 31, л. 2–4.
- ³⁶ Там же, оп. 3, д. 61, л. 243.
- ³⁷ ГА МО, ф. 812, оп. 1, д. 69, л. 55–56.
- ³⁸ НА РБ, ф. 951, оп. 3, д. 56, л. 48.
- ³⁹ Там же, ф. 136, оп. 1, д. 6, л. 17а, 18, 20–26.
- ⁴⁰ Там же, ф. 951, оп. 3, д. 67, л. 93.
- ⁴¹ Там же, д. 53, л. 115.
- ⁴² Там же, л. 115–117.
- ⁴³ ГА МО, ф. 3196, оп. 1, д. 9, л. 49.
- ⁴⁴ НА РБ, ф. 951, оп. 4, д. 32, л. 179–180.
- ⁴⁵ ГА МО, ф. 812, оп. 1, д. 31, л. 88.
- ⁴⁶ НА РБ, ф. 136, оп. 1, д. 16, л. 45–46.
- ⁴⁷ Там же, ф. 951, оп. 4, д. 32, л. 196.
- ⁴⁸ Там же, оп. 3, д. 53, л. 138.
- ⁴⁹ Там же, ф. 136, оп. 1, д. 1, л. 5–6, 9–10.
- ⁵⁰ Васильева О. Государственно-церковные отношения советского периода: периодизация и содержание (Православие.ru [электронный ресурс]. 2003. Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/archiv/sovietstate-church.htm#1>).
- ⁵¹ ГА МО, ф. 812, оп. 1, д. 31, л. 87–93.
- ⁵² Там же, д. 38, л. 36–37.
- ⁵³ Положение о религиозных объединениях: утверждено Указом Президиума В[ерховного] С[овега] БССР, 27 февраля 1977 г. // О религии и Церкви. Минск, 1983. С. 92–103.
- ⁵⁴ НА РБ, ф. 136, оп. 1, д. 73, л. 169–170.
- ⁵⁵ Там же, ф. 951, оп. 3, д. 72, л. 42.
- ⁵⁶ Там же, ф. 136, оп. 1, д. 73, л. 33.
- ⁵⁷ Устав об управлении Русской Православной Церкви, 1988 г. // Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991)... Т. 2. М., 1995. С. 235–241.